

Вечер с Депардье

Бернар ЖЕНЬЕС

«ПУЭН», ПАРИЖ.

— Т АК что вы выбрали? «Сент-Эмийон»... Неплохое вино.

Он обращается к официанту:

— 180 франков. Ну и ну. Это уж слишком. Вы наверняка прогорите, если будете заламывать такие цены.

Тот отвечает, что очень велики расходы на транспорт, и вообще...

— Да, согласен. А ну-ка налей стаканчик попробовать. Хм...

Жерар Депардье заказывает себе бутылку минеральной воды.

У него лицо без единой морщинки, пристальный взгляд.

— В еде, да и во всем остальном тоже, когда чего-то нет, то при-выкаешь и обходишься...

Несколько листиков салата, тщательно отобранные рыбные блюда — все свидетельствует о новом увлечении Депардье — диете. Так что, значит, Депардье изменился? Если бы этот вопрос задали ему самому, он бы, по всей вероятности, ответил: «Все меняются». Он, конечно же, изменился. Доказательства? В этом году он снимался в фильме «Машина» Франсуа Дюпейрона, потом в «Элизе» Жана Беккера, а в тот вечер, когда мы с ним встретились, пришел со съемочной площадки, где шла работа над лентой «Ангелы-хранители» Жан-Мари Пуаре. Но это еще не все: вот-вот должен был выйти на экраны фильм «Полковник Шабер» по роману Бальзака в постановке Ива Анжелло, где он в главной роли. А кроме того — комедия и, возможно, новый фильм с Морисом Пиала.

Зачем он столько снимается? Этот вопрос ему задавали. Ответ был банальным: «Это давние ангажементы,

и я должен их выполнить». А мог бы ответить: кручу фильмы, потому что Земля крутится. Но орбита, по которой движется Депардье, имеет в качестве центра притяжения лишь один критерий — серьезность. Впрочем, с теми деньгами, которые он зарабатывает... («Постойте, я ведь не живу, словно какой-нибудь принц!» — возражает он). Говорит, что покупает землю «везде понемногу». Жадность в

Анжу». Он улыбается и добавляет: «Жаль, что такое состояние переживаешь только тогда, когда оказываешься один».

Он провокатор? Да, потому что актер. Депардье любит актеров, хотя и не прочь подтрунить над молодежью. Послушать его, так они обучаются ремеслу, к которому он сам не имеет никакого отношения. Считает, что у них отбили вкус к великим классическим текстам, к хорошей дикции.

«Когда я спрашиваю, что они могут прочитать, — рассказывает он, — наступает неловкое молчание. Их заставляют учиться импровизировать,

Кадр из фильма «Полковник Шабер».

людях действует ему на нервы. По его словам, проездом он всегда пользуется случаем, чтобы немного потрясти карман Годара...

Когда слышишь от него подобные заявления, можешь подумать, что Депардье злой человек. Но он тут же спешит разуверить и успокоить: «Десять или пятнадцать лет назад многие считали меня высокомерным. Но теперь во мне нет никакого высокомерия. Я научился владеть собой. Держать язык за зубами. Но все же...»

Он умолкает, и это его молчание можно объяснить желанием скрыть какие-то ужасные вещи, страшные секреты. О, это Бальзак! Депардье открыл «Полковника Шабера», когда читал биографический роман Андре Моруа. «То, что тот писал об этом персонаже, — говорит он, — побудило меня узнать о нем побольше. Я прочел роман, потом говорил о нем с Жан-Луи Ливи, который согласился стать вторым продюсером фильма». Что привлекло там актера? «Собственно говоря, — отвечает он, — меня привлекла вовсе не «полицейская» интрига, а сам персонаж. Этого Шабера считали убитым на войне. Но вот он снова появляется в том мире, в котором жил раньше. Он хочет найти свою жену, но та уже снова вышла замуж. Хочет также вернуть свое состояние. Хоть на минуту, на мгновение. Он в полной растерянности. Тогда-то и встречается адвоката, к которому обращается за помощью».

Помимо всех перипетий романа, Депардье захотелось прожить жизнь этого полковника из переставшей существовать армии. «Шабер воплощает в себе образ всех солдат — участников военных кампаний в Алжире, Индокитае, а потом и во Вьетнаме, — продолжает Депардье. — Они сражались ради ужасных вещей, оказывались в жутких ситуациях, невыносимых. А что им говорят по возвращении? Да ничего. Их презирают, их сторонятся. Что касается меня, то я помню: солдаты, возвращавшиеся из Индокитае, были совершенно сбиты с толку. В них разве что не плевали. С ними обращались так, как сегодня с клошарами: их просто игнорируют, о них не хотят и слышать. Шабер очень быстро понимает это. И с этого момента желает лишь одного: хочет, чтобы ему вернули его честь, его человеческое достоинство. В конечном счете он требует одного — покоя, мира».

Этого Депардье требует и для себя: «Я тоже хочу мира. Иногда, по временам, нахожу его у себя дома, в

но зачем? Я же, к примеру, в самом начале, когда меня заставляли переставить запятую или заменить слово в тексте, который мне нужно было читать, начинал запинаться, теряться». Увлечшись, он приводит слова Жюве: «Дикция вызывает чувство». Затем затрагивает тему своих отношений с артистами. Как относится к женщинам в своей профессии? «Нет, я не женоненавистник, — отвечает он. — Но считаю, что актерское мастерство не для них. Они должны были бы сниматься не более чем в одном фильме. Ну какие у меня с ними отношения? Легкие... Они знают, что мы одного поля ягоды. С мужчинами дело обстоит труднее. Особенно если примешивается чувство соперничества. И такое бывает... Актеры это такие сукины дети!» И он, весьма довольный, заливается смехом. (Смеется он, как известно, громко, фальцетом.)

Поэтому Депардье может оставить впечатление шута, паяца. Он любит смеяться сам и заставлять смеяться других. Но не всегда поймешь, когда он шутит, а когда говорит серьезно. У него получается как-то все сразу. Он может выглядеть циником: «Не люблю, когда на меня смотрят. Это неприлично. Чтобы на меня смотреть, нужно платить. Я придумал такую уловку, чтобы ко мне не подходили на улице: достаточно просто опустить голову и смотреть вниз. А сейчас, когда у меня мотоцикл, я прячусь в своем шлеме».

Но он может быть и нежным. Например, когда вспоминает о своем покойном друге Жане Карма. «Когда он умер, — рассказывает он, — это было такое горе. Мы с ним из одного теста. Он родом из Турени, я из Берри, это рядом. У него и у меня были похожие воспоминания детства. Оба любили смотреть на поезда... Иногда я говорю себе, что должен был уделять ему больше внимания. Потом, незадолго до своего ухода, он мне как-то сказал: «Знаешь, Жерар, я теперь считаю свои шаги. Представляешь?» С ума сойти! Я тогда не понимал, а он-то подразумевал под этим, что начал считать свои дни...»

Даже когда Депардье искренен, серьезен, тон у него все тот же. Твердый орешек. Порой подыскивает слова. Сожалеет, что не получил лучшего образования. «Сейчас, — говорит, — мне удается выразить то, что я чувствую, но порой замечаю, что у меня нет автоматизма. Я веду себя не так, как мои знакомые. Много читаю, мне это нравится. Но я должен быть таким же, как мой отец, он всегда упорно добивался своего...»